

По-прежнему актуальной остается углубленная теоретическая разработка проблем, касающихся языка, истории, культуры финно-угорских и других коренных этносов северных регионов. Во многих областях науки накоплен достаточный материал для того, чтобы от описательного этапа исследований перейти к аналитическому. В процессе этой работы предстоит разрешить методологические вопросы, имеющие фундаментальное значение для развития финно-угристики.

Сходные проблемы встают во всех областях финно-угроведения. Крайне важна, например, при изучении проблем этнокультурной истории социологическая реконструкция процессов, происшедших в развитии древних сообществ. Кроме того, накопленный материал уже сегодня может стать основанием для создания обобщающей работы по этнографии коми и отдельных групп финно-угорского населения, обладающих своей спецификой. Исключительно актуальное значение приобретает отслеживание современных процессов, происходящих в финно-угорской группе народов. Совершенно очевидно, что наряду с позитивными в их развитии проявляются негативные явления, такие как депопуляция, что может иметь серьезные отдаленные последствия. Актуальнейшей задачей остается создание единого банка данных о финно-угорских народах России. Здесь необходима межрегиональная интеграция усилий специалистов разных отраслей знания. Видимо, нужен единый проект по созданию серии обобщающих работ по каждому финно-угорскому народу. Для этого есть необходимая база и высококвалифицированные исследовательские кадры.

ЯВЛЕНИЕ СИНКРЕТИЗМА В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

А.И. Кузнецова, д.филол.н., проф. филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова
Москва

Под *синкретизмом* (греч. *synkrētismos* 'соединение, объединение', когда-то, видимо, обозначавшее союз народностей Крита) применительно к грамматике в современной лингвистике понимается наличие в одной форме, выполняющей несколько функций, разных означаемых (в 1929 г. С.И.Карцевский назвал это явление *асимметричным дуализмом* структуры знаков, благодаря которому лингвистическая система может эволюционировать; Карцевский 1965). Как почти все лингвистические термины, данный тоже трактуется неодинаково: по мнению одних, слитность, нерасчлененность характеризует первоначальное неразвитое состояние чего-либо (напр., какой-либо категории), что постепенно нередко приводит к грамматической омонимии. По мнению других, наоборот, современная слитность – результат смешения, соединения когда-то разнородных элементов, явлений в одной форме, примером чему служит Abl. в латыни, унаследовавший функции Instr. и Loc. Параллельно с термином *синкретизм* употребляется (особенно в последнее время) термин *кумуляция* грамматических значений, реже – нейтрализация и некоторые другие. Явление синкретизма в грамматике в большей или меньшей степени наблюдается в системе частей речи во многих языках.

Сам вопрос «Существуют ли части речи в языках мира?» – вопрос спорный. Тем не менее, для языков многих генетических семей (в том числе, индоевропейской и уральской) их наличие признается всеми исследователями, хотя проблемы, связанные с этим понятием, часто вызывают споры. К таким спорным проблемам относится вопрос о принципах выделения и количестве частей речи в том или ином языке; о времени и путях их появления; о том, все ли части речи являются универсальными или среди них встречаются в каких-то языках специфичные. В последние десятилетия обсуждается вопрос, есть ли между частями речи четкие границы или существуют между многими из них размытые зоны, образующие шкалу переходности с признаками обеих зон, иначе говоря, – синкретичную зону. Все эти и другие проблемы характерны для финно-угорских и самодийских языков. На любой вопрос можно посмотреть с нескольких разных точек зрения и, соответственно, получить разные результаты. Вместе с тем, можно обсуждать одно и то же явление, но использовать разную терминологию, не достигая взаимопонимания, а это, к сожалению, чаще всего и происходит. В дальнейшем речь пойдет о языках, бесспорно имеющих части речи и среди них – глагол и существительное¹, границы между

¹В индоевропейских и уральских языках глагол, как и существительное, в большей или меньшей степени самодовлеющ. Зато в языках кавказских и банту, где существуют согласовательные классы (правда, разного типа), есть зависимость глагола от имени: глаголу свойственны классные показатели именного класса, с существительным которого он синтаксически связан. Еще большая взаимовязанность всех членов предложения в чукотском, юкагирском и других палеоазиатских языках с инкорпорирующим строем.

которыми, как правило, бывают нечеткими, что ведет к появлению промежуточной зоны с признаками обеих частей речи.

В самодийских языках имя, попадая в предикаты, приобретает глагольные показатели, иначе говоря, существительное (напр., в селькупском языке) может спрягаться. Так, предикативная форма существительного *qum* ('Я / ты / мы двое / вы двое / – человек / люди'), будет выражена в настоящем времени этим существительным с глагольным окончанием: *qum ɔk*, *qum ɔntu* (получается что-то вроде 'я человек-аю или человек-у, ты человек-аешь' и т.д.), \ddot{U} но предикативная форма 3Sg (то есть условно 'он человек-ает или человек-ит = он есть человек') имеет нулевой показатель, как и существительное *qum-ø* 'человек' (точно так же совпадают окончания глагола и существительного в 3Du и 3Pl). Двойственность данной словоформы, имеющей признаки сразу двух частей речи (имени и глагола), получила наименование вербальной репрезентации имени (Очерки 1980, с.158, 188-190). Однако это не единственно возможная точка зрения. Используя другие термины, приведенный пример можно истолковать иначе. 1).Существительное и глагол могут рассматриваться как конверсивы: 'человек' и 'быть человеком, «человечить»' (случаи конверсии есть и в русском языке: *течь, печь, мочь* – глаголы и существительные; ср.: *изученный, потрепанный* – причастия и прилагательные); 2).Если признать слово *qum* в номинативной и предикативной функциях конверсивами, то можно говорить о грамматической омонимии глагола (в словоформах 3Sg, 3Du, 3Pl) и имени (в Nom тех же чисел); иными словами, совпавшие в парадигмах формы будут омоформами; 3).Допустима точка зрения, что слово *qum* в вербальной репрезентации (то есть функционируя как глагол) имеет дефектную парадигму: в ней отсутствуют формы 3Sg, 3Du и 3Pl². Могут быть другие решения, но независимо от трактовки (омонимы, конверсивы, вербальная репрезентация и т.д.) именно в этой форме возникает синкретичная зона – пересечение имени и глагола.

Частеречный синкретизм широко представлен также в финно-угорских языках на примере существительных и прилагательных, существительных и причастий. Во многих языках встречается неразграниченность имени и наречия (наречия в уральских языках часто происходят от падежных форм – Dat., Loc., Abl., Pros. и др., но нередко бывают морфологически неоформленными). Существует промежуточная зона и между существительным и послелогом, происшедшим тоже от падежных именных форм и отпочковавшимся затем от существительного в результате десемантизации слова в том или ином падеже. При утрате словом прежнего лексического значения постепенно происходит процесс грамматикализации, при котором слово с новым значением переходит из разряда знаменательных слов в разряд служебных. Грамматическое значение послелога при этом сохраняет связь с существительным в соответствующем падеже. Во всех этих случаях (особенно на первых порах) возникает некая шкала переходности от чисто лексического значения к грамматическому, от одной части речи к другой, границы между которыми бывают очень зыбкими.

Синкретичные зоны между всеми перечисленными частями речи широко распространены в пермских языках. Так, в удмуртском языке наблюдается синкретизм в некоторых существительных и в причастиях на -эм / ем³: *пуэд-эн вис-ем пинал* 'простудой (букв. 'насморком') болевший ребенок' и *вис-ем-ен сэрэн* (из-за болезни); *мисък-ем тусьты-пуньы* 'вымытая посуда (букв. 'миска-ложка')' и *нуньез мисък-ем* 'младенца купанье (мытье)'. Зона пересечения есть и между прилагательными и наречиями: *шер тилемьёс* 'редкие облака' и *со шер пыра* 'он редко заходит'. Много аналогичных примеров и в языке бесермян, где иногда зона переходности образуется не только между двумя, но и между тремя частями речи (материал собирался мною в 2003 и 2004 гг. в с. Шамардан Юкаменского района Удмуртии): *paš'kət d'er'em* 'широкая рубаха', *s'er'eslən paš'kət* 'ширина дороги' (букв. 'дороги ширина') и *so paš'kət uštiz əmze* 'он широко открыл рот-свой'; *M'i (Soos) načar ul'eškom (ulo)* 'Мы (они) бедно живем (живут)' и *nač'ar korka* 'бедный дом'. Во всех примерах существительное, прилагательное и наречие различаются синтаксически, но не морфологически. В селькупском языке шкала переходности имеется между существительными и безэлевными прилагательными, имеющими вид чистой основы и наличествующими в языке в малом количестве. Зоной совпадения будут только исходные формы (в отличие, напр., от русского языка⁴) типа *tənty kopty* 'широкая кровать' и *pət tənty* 'ширина' (букв.

² У глагола, кстати, дефектные парадигмы встречаются достаточно часто; напр., селькупский глагол со значением 'идет дождь, дождит' употребляется только в форме 3Sg: *səra* и т.п. (ср. аналогичные примеры в языке бесермян: *zore* 'дождь идет, дождит', *ləntja* 'снежит, снег идет', *lud valən p'el'ck'e* 'на поле метет, пуржит').

³ В приведенных и многих других подобных словах на -эм/-ем/-м отглагольное существительное и причастие (обычно пассивное) являются синкретичными (может быть иная трактовка – омонимичными) и даже более того, могут выступать в роли личных форм глаголов так называемого II прошедшего времени, о чем еще будет сказано.

⁴ В русском языке частеречный синкретизм (существительных и прилагательных) наблюдается, напр., почти во всех падежах и числах слов одного рода: *рабочий курит* и *рабочий костюм* (но не рабочая одежда), *столовая ложка* (но не столовый нож) и *диетическая столовая*, *животное спит* и *животное желание* (но не животный страх) и т.п.

‘дерева (Gen.) ширина’); *soma* ‘хороший’ (*soma qur* ‘хороший человек’) и *soma* ‘добро’ (*somatqo essimpa* ‘пошло на пользу’, букв. ‘добром стало’); *кура* ‘маленький’ (*кура alako* ‘маленькая лодка’) и ‘малость, малолетство’ (*Тэм кырāqyntу tantaltymпа тūтыл’pontу* ‘Он в малолетстве приучен к работе’).

Синкретизм – явление не только грамматическое; он связан и с семантикой слов. Случаи переходности между двумя частями речи составляют синкретичную зону; но в нее попадают далеко не все существительные, прилагательные или глаголы и их причастные формы. Между тем, ни для одного уральского языка до сих пор не делалось, насколько мне известно, попыток определить лексико-семантические группы слов, способных к конверсиям такого рода (это своего рода криптоклассы, категории скрытой грамматики языка (Уорф, 1972; Борискина, Кретов, 2003), хотя отдельные наблюдения встречаются. Напр., в селькупском языке только названия людей (реже – животных) реально встречаются в предикативных формах, то есть могут спрягаться; при этом 3 лицо всех чисел, как уже отмечалось, образует синкретичную зону с формами Nom. Возможны семантические особенности и другого рода. У беззевых прилагательных (напр., *warqy mā* ‘большой чум’), имеющих зону пересечения с существительными, означающими абстрактное наименование признака (*warqy* ‘величина, размер’), иногда появляется ‘конкурент, соперник’ – прилагательное на *-l* (форма адъективной репрезентации существительного) в новом значении: словоформа *warqy-l* ‘имеющий величину, размером с...’: *mātyl warqy-l’ qur* ‘человек величиной с чум’ (Очерки, 1980, с. 266-267).

Все рассмотренные примеры свидетельствуют о значительной распространенности (при наличии для каждой части речи определенного набора граммем) случаев совпадения в одной форме различных грамматических значений разных частей речи в уральских языках, иначе – о наличии зон синкретизма.

Синкретизм грамматических категорий возможен в пределах и одной части речи. Напр., что такое эвиденциальность (иначе – очевидность) – наклонение, время или что-то третье? Во многих финно-угорских языках, как отмечают лингвисты, есть по два прошедших времени, которые называются очевидным и неочевидным и имеют формально различные показатели для 2 и 3 лиц, но часто вызывают у носителей языка сбой в связи с различием в семантической интерпретации данных времен. При этом семантический фактор обычно срабатывает при описании очевидных событий, но при оценке действий неочевидных возникают колебания в употреблении времени. Особенно это заметно в условном наклонении и императиве. В качестве примера можно обратиться к коми языку. Е.А.Цыпанов, исследуя коми глагол, описал 11 временных форм. На полученный им список форм можно посмотреть под новым углом зрения и попытаться установить сеть взаимоотношений между видом, аналитическими или синтетическими конструкциями, семантическими семами и временем. Существует высокая степень корреляции (взаимозависимости) глаголов в аналитических формах и неочевидностью происходящего. II прошедшее, выраженное синтетически, относится к индикативу, имея формы эвиденциальной семантики (напр., аудитив, квотатив, адмиратив), но не эвиденциальной грамматики (подробнее см.: Кузнецова, 2004, с. 99). Таким образом, учитывая формальные признаки (в частности, и синтаксическое употребление), можно говорить в этом случае не о категории времени (II прошедшего), а о синкретичной категории времени-наклонения или даже о категории наклонения эвиденциальности. В последнее время все чаще раздаются голоса в пользу необходимости пересмотра системы времен в уральских языках (Кузнецова, 2002, 2003; Honti, 2002), что, фактически, уже начал делать Е.А.Цыпанов (2002).

Соединение в одной форме разных грамматических значений, создающее зоны переходности от одной части речи к другой, а в пределах одной части речи – от одной категории к другой, представляет собой континуум и способствует эволюции языка.

Литература и источники

Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003.

Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965. С. 85-90.

Кузнецова А.И. Категория неочевидности и возможности передачи ее в удмуртском и марийском языках // Пермистика 9. Ижевск, 2002. С. 261-271.

Кузнецова А.И. Неочевидность как шкала переходности: время или наклонение? // Ünnepi kötet Honti László tiszteletére. Budapest, 2003. P. 259-267.

Кузнецова А.И. Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса // Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 88-106.

Очерки – Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1980.

Уорф Б. Ли. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 44-60.

Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке: Автореф. дис. ... докт. филол. н. Йошкар-Ола, 2002.

Honti László. Die zusammengesetzten Vergangenheitstempora in den mit Turksprachen kontaktierenden finnisch-ugrischen Sprachen // Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья. Turku, 2002. S. 21-34.

ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОРДВЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н.Ф. Мокшин, д.истор.н., проф., зав. кафедрой дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева
Саранск

Этнические процессы в современном мире многосложны и противоречивы, очень трудно прогнозируемы. Но это не означает, что надо отказаться от попыток на основе имеющихся у нас материалов и наблюдений осмыслить не только современное состояние этнических процессов, переживаемых финно-угорскими народами, в том числе мордовским, но и понять их ближайшую перспективу. Напомню, что еще в XIX в. имели место прогнозы, судя по которым к настоящему времени мордва должна была кануть в безвестное прошлое. «Недалеко то время, – вещал А.Мартынов в 1865 г. со страниц «Нижегородских губернских ведомостей», – когда мордовское племя совершенно сольется с великорусским, и след его исчезнет. Надо пожелать этого и другим финским племенам, более упорным в своей народности, каковы чуваша, черемисы и проч. Жаль следа исторических народов, оставивших памятники письменности и искусств: когда же подобные, упоминаемые нами, народцы, почти полудикие, поглощаются сильнейшим и более образованным племенем – жалеть тут не приходится. Одного должно пожелать, чтобы многочисленные ручьи племен, разбросанных по России, поскорее слились в одно славянское море» [1]. Жизнь показала несостоятельность этого прогноза.

Мордва ныне является самым крупным по численности финно-угорским народом Российской Федерации. Вместе с тем следует признать, что еще в советские годы стали отчетливо проявляться довольно сильные тенденции ассимилятивного порядка, связанные с прорывом эндогами и депопуляцией мордовского этноса, как и попытками некоторых современных деятелей из эрзян объявить Мордву народом – мифом, а взаимоотношения между двумя его составляющими (эрзей и мокшей) представить как взаимоотношения «двух медведей в одной берлоге» или «двух змей в одной норе, постоянно грызущих друг друга» [2]. Однако исследования, проведенные нами в последние годы, включающие массовые опросы мордвы, показывают, что данные заявления не отражают реальных этнических процессов, не находят широкой поддержки в мордовском народе.

Судя по современным этнологическим исследованиям, в том числе и моим, этническому самосознанию, выступающему в качестве одного из важнейших этнических признаков, присущи не только иерархичность и ситуативность. В определенных условиях оно может дать простор и для этнического манипулирования, т.е. может быть конъюнктурным и спекулятивным. Это особенно проявляется в случаях, когда различия между этническими подразделениями незначительны и часто не совсем воспринимаются и понимаются самими их членами [3].

При изучении этнических процессов у мордвы порой плохую услугу оказывают переписи и микропереписи. Если бы переписчики, фиксируя национальную принадлежность, ограничивались отнесением мордвы только к мордве, как это обычно делалось ранее, и не путали энтоним **мордвин** (**мордовка**) с субэнтонимами **мокша** и **эрзя**, то абсолютное большинство мокшан и эрзян назвали бы себя только мордвой. Однако многие переписчики, особенно в Мордовии, дезинформированные нередко средствами массовой информации, в частности такой откровенно сепаратистического толка газетой, как «Эрзянь мастор», некорректно задают опрашиваемым вопрос о их национальности. Минуя этнический уровень, т.е. вопрос о принадлежности к мордовскому народу, они сразу начинают с субэтнического уровня, выявляя субэтнической принадлежности, смещая эти два разных этнических уровня или две этнические плоскости, подменяя одно другим, что, естественно, приводит к искажению этнической ситуации, ее деформации.

Так, по данным микропереписи 1994 г., в Мордовии 49% мордовского населения назвали себя мокшей, 48% – эрзей и лишь 3% сказали, что они – мордва. В соседней Пензенской области собственно мордвы – 69%, а остальные 31% – либо мокша, либо эрзя; на всей остальной территории России мордвы оказалось 99,8% [4].

Но было бы неправильным полагать, что указанная микроперепись зафиксировала этническую дифференциацию мордвы на два самостоятельных народа – мокшу и эрзю, а мордва как таковая перестала быть мордвой, сошла с исторической арены. На самом деле она лишь зафиксировала, причём